

УДК 94(47).084.2-057.36(045)

*О.И. Васильева, В.С. Воронцов***«...МОГУТ СКОРЫЕ БЫТЬ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ»: СОБЫТИЯ 1917 Г. В ВОСПРИЯТИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (ПО ДОКУМЕНТАМ СТАРШЕГО ВОЕННОГО ЦЕНЗОРА КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В Г. САРАПУЛЕ)**

На основе выдержек писем из действующей армии и запасных частей, представленных в отчетах старшего военного цензора Казанского военного округа в г. Сарапуле, анализируется восприятие военными революционных событий 1917 г. и их повседневной фронтовой жизни. Документы свидетельствуют, что Февральская революция, воспринятая с энтузиазмом большинством армии, породила надежды на скорейшее прекращение войны, улучшение своего положения и возвращение к мирной жизни. Продолжение на протяжении весенних и летних месяцев 1917 г. военных действий, тяжелые поражения, дальнейшее обострение политического и экономического кризиса в стране приводили к усилению негативных настроений, падению дисциплины среди военнослужащих, которые вскоре станут одной из основных движущих сил новой революции.

Ключевые слова: Первая мировая война, Февральская революция, письма военнослужащих, военная цензура, Вятская губерния.

*Ты Керенский-депутат
Солдат не обманешь,
Не пойдем мы воевать,
Даром словом манишь¹.*

Проблемы освещения и анализа восприятия повседневности рядовыми участниками и очевидцами событий обуславливаются дефицитом непосредственных документальных свидетельств. Имеющиеся же воспоминания, мемуары, литературные произведения не свободны от наложения в них более позднего осмысления пережитого. Дневниковые записи, к сожалению, довольно редки. Тем более ценны свидетельства непосредственных участников событий, запечатлённые «здесь и сейчас», не только фиксирующие тот или иной исторический факт, но и демонстрирующие субъективные оценки их авторов. К таковым относятся письма современников, написанные «по горячим следам», несущие на себе отпечаток времени, отражающие сиюминутное отношение авторов к происходящему. Как массовый исторический источник изучения повседневности и менталитета «человека на войне» успешно используются фронтовые письма Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Менее активно вовлекаются в научный оборот эпистолярные документы периода Первой мировой войны, что связано, прежде всего, с их худшей сохранностью [4. С. 65]. Однако документы российских военно-цензурных учреждений 1914–1917 гг. предоставляют возможность ознакомиться с письмами, написанными в данный временной промежуток, проанализировать мысли и чувства населения, переживавшего наисложнейший период жизни [5. С. 139–142]. Среди них значительный интерес представляют письма 1917 г., в которых отразились революционные события, переломный этап в истории государства и общества, ознаменовавшие собой начало коренных изменений в жизненном укладе и мировоззрении многомиллионного населения России.

В соответствии с «Временным положением о военной цензуре» от 20 июля 1914 г. в России вводилась военная цензура с целью «не допускать по объявлении мобилизации армии, а также во время войны оглашения и распространения путём печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов сведений, могущих повредить военным интересам государства» [2]. Временное положение предусматривало введение полной цензуры с просмотром корреспонденции, печатных изданий, текстов публичных выступлений на территории военных действий. В тыловых районах, к которым относился и Сарапульский уезд Вятской губернии, вводилась частичная цензура, заключающаяся в просмотре и выемке международных почтовых отправок и телеграмм, а также в просмотре и выемке в отдельных случаях, по распоряжению главных начальников военных округов, внутренних почтовых отправок и телеграмм [2].

¹ Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 105.

На территории Сарапульского уезда Вятской губернии во второй половине 1914 г. были созданы Сарапульский и Ижевский военно-цензурные пункты, подчинявшиеся местной военно-цензурной комиссии штаба Казанского военного округа. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР) располагает фондами старших военных цензоров Казанского военного округа в г. Сарапуле и Ижевском заводе Сарапульского уезда Вятской губернии, возглавлявших, соответственно, Сарапульский и Ижевский военно-цензурные пункты. В них отложились циркуляры Главной военно-цензурной комиссии, местных военно-цензурных комиссий штаба Казанского военного округа, списки военных цензоров Казанского военного округа и др. документы. Наиболее ценную информацию несут еженедельные отчёты военных цензоров о просмотренной корреспонденции: они содержат выписки, зачастую довольно обширные, из писем, полученных жителями Сарапульского уезда из действующей армии, и направляемых ими в адрес военнослужащих. Значимость данного вида источников усиливает тот факт, что по количеству мобилизованных в армию Вятская губерния находилась на третьем месте в России. Удмуртский край внёс большой вклад в обеспечение армии людскими ресурсами – на фронте сражались свыше 90 тыс. его уроженцев [3. С. 31; 5. С. 144].

Сводки, составляемые военными цензорами, – это источник, имеющий значительную информативную ценность и предоставляющий возможность изучить массовые настроения в период войны и революции. Задача статьи – на основе отчётов военных цензоров Казанского военного округа в г. Сарапуле проанализировать восприятие военнослужащими фронтовых и тыловых частей российской армии событий января – сентября 1917 г., показав их отношение к происходившим трансформациям государственного и общественного устройства².

К началу 1917 г. российская армия находилась в сложных условиях: её боеспособность продолжала падать, росли антивоенные настроения и на фронте, и в тылу. Причины – в затяжном характере войны, нежелании воевать во имя непонятных целей, в тяжелейших людских потерях, кризисе вооружений и медленной перестройке промышленности на военный лад, в нехватке кадровых военных и в пополнении армии за счёт запасного, плохо обученного контингента. Немаловажную роль играло моральное состояние общества, значительная часть которого не воспринимала эту войну как справедливую борьбу за отстаивание своих жизненных интересов.

Характерная черта писем из действующей армии, просмотренных цензорами в январе и феврале 1917 г., – жалобы на тяжёлое материальное и продовольственное положение: «А мы здесь умираем с голода, кроме грязной воды ничего не видим и не дают кушать... Для офицеров привозят сливочное масло и тому подобное, а для нижнего чина ничего» [1. Д. 11. Л. 12–12об], «Сидим чуть не голодом. На 300 человек варят 5 штук селёдок...» [1. Д. 11. Л. 20об], «На позиции живём впроголодь или просто голодом, ...пищу привозят хуже помоев» [1. Д. 11. Л. 32об], «Пища у нас совсем плохая, хлеба дают очень мало, соли нет, сахара нет... про баню и думать нечего, бельё стирать негде, да и мыла нет» [1. Д. 11. Л. 61], «Хоть с голоду помирай, есть нечего, хлеба нам выдают очень мало 2 фунта в сутки и хлеб наполовину сожжённый» [1. Д. 11. Л. 68об].

Жалобы на плохое содержание поступали не только с театра военных действий, но и от военнослужащих запасных полков. Так, рядовой 230-го пехотного запасного полка писал родным: «Один раз в баню ходил, паразиты съели, а теперь совсем плохо. Сапогов кожаных нет, нас кормят через день, а другой голодные. Дома хлеба сухого не хотел, а теперь вместо мёду едим» [1. Д. 11. Л. 3об]. От солдат 160-го и 164-го запасных пехотных полков узнаём: «Кормят очень плохо» [1. Д. 11. Л. 31], «Казань очень голодает, т. е. имеет большую нужду в хлебе, ...досыта не кормят нас, а вольным живётся ещё хуже» [1. Д. 11. Л. 52].

Тяжесть положения в армии ощущалась настолько остро, что фиксировались такие высказывания: «Я вполне уверен, что каждый солдат, который находится в окопах, согласился бы занять вакансию каторжанина, самого тяжёлого наказания, чем переживать в окопах» [1. Д. 11. Л. 20об] (из действующей армии), «Здесь очень трудно – трут в тёрку острую. Есть такие – борода седая, волосы поседел, он бы, наверное, дома так не поседел. Стоят в строю, а у них слёзы бегут...» [1. Д. 11. Л. 31] (запасной полк). И даже «крик души»: «...здесь не ад, а крошечная адия» [1. Д. 11. Л. 12об].

² В фонде старшего военного цензора Казанского военного округа в Ижевском заводе отчёты за 1917 г. отсутствуют. В фонде старшего военного цензора Казанского военного округа в г. Сарапуле представлены отчёты за январь – сентябрь 1917 г. Военно-цензурский пункт в г. Сарапуле закрыт 1 октября 1917 г. (Ф. 254. Оп. 1. Д. 13. Л. 114).

Красной нитью в письмах проходит страстное ожидание конца войны: «Одно утешение среди товарищей ждём мира, начинают в газетах поговаривать, авось, да и договорятся до чего-нибудь, война всем надоела» [1. Д. 11. Л. 6], «...только надеемся на одно спасенье – мир, мир, мир, а иначе все пропадём как мухи в ненастную погоду» [1. Д. 11. Л. 32об].

Письма военнослужащих свидетельствуют, что они не были отрезаны от информационного поля страны. Через газеты и листовки, которые попадали на фронт, письма родных и циркулирующие слухи фронтовики получали сведения о происходящем в тылу: «Некоторые говорят, что в России всё дорожает и будто бы частично начинаются забастовки. По-моему, так к лучшему, поскорее окончится война» [1. Д. 11. Л. 12об], «...в Москве начинается война. Сколько уж убийств и грабежу и всякого происшествия здесь много... очень большие беспорядки, бунты и забастовки» [1. Д. 11. Л. 61об]. Проявляют они сочувствие и к переживавшему тяготы войны тыловому населению: «...вас несчастных баб на мужичьих работах всех замучили» [1. Д. 11. Л. 3об], «...что у вас в городе, наверное и вы голодом сидите, вот до чего довело наше хорошее начальство» [1. Д. 11. Л. 21].

Виновными в создавшемся положении военнослужащие считали «начальство», «придворную камарилью», «купцов и торговцев», которые использовали войну в целях личного обогащения: «Кругом нас обманывают и грабят» [1. Д. 11. Л. 20об], «Солдаты дерутся, головы свои кладут, а разные Сухомлиновы продают... Они за нас получают славу, ордена, а нам приходится кровь проливать и страдать до невозможности...» [1. Д. 11. Л. 20об–21], «В стране царит полнейший хаос. Распоряжается страной какая-то олигархия: различные Распутины, Сухомлиновы, Штюрмеры и т. п.» [1. Д. 11. Л. 31об].

В результате нарастали упаднические настроения: «И знать этой несчастной войны и конца не дожидаться, как видно всё берут и берут без конца, как ровно в пучину морскую, народ девают и сдачи обратно не присылают», «Солдаты проклинают всё на свете...». Одновременно усиливается ненависть к тем, на ком лежит ответственность за состояние страны; назревает ожидание близких перемен: «Они праздники справляют, а мы на них глядя слюнки глотаем. Но, наверное, долго не напруздуют, когда-нибудь и им придёт великий пост. Настанет час, ...нас всех не перебьют, останется и их перебить». [1. Д. 11. Л. 20об–21], «Миру ожидать нечего, только могут скорые быть перемены в России» [1. Д. 11. Л. 43].

Вскрытые военными цензорами мартовские и апрельские письма военнослужащих свидетельствовали, что государственный переворот в армии был воспринят позитивно, с большим воодушевлением. Так, Гуляев писал родным в Воткинский завод: «Поздравляю вас с великими событиями, дух солдат теперь приподнятый и все в весёлом настроении, несмотря, что в действующей армии» [1. Д. 12. Л. 8об]. В. Неклюдов сообщал в Сарапул: «Мы, войска, приняли с громким “ура”. Конечно, некоторые офицеры были в печальном виде...» [1. Д. 12. Л. 4об]. «Встретили зарю новой жизни очень радостно и ходили по 3 дня по деревне с красными флагами, и приглашали господ офицеров вместе как товарищей. Заря новой жизни конечно не для всех была радостной, а как офицеры были не совсем этой заре рады. Смотрели на свободу как кровавые звери, но столкновений между ними и солдатами никаких не было» [1. Д. 12. Л. 63]. Но и многие офицеры приветствовали революцию: «...переворот в России, мы, офицеры, даже прокричали ура после того, как прочитали газету за 3 марта... Слава богу! Наконец-то свершилось» [1. Д. 12. Л. 7об].

Свидетели и участники революционных событий спешили поделиться рассказами о пережитом. В. Денисов, например, ставший участником Кронштадтских событий, писал в с. Котловка Елабужского уезда: «Вам тоже, наверное, известно, что здесь в Петрограде была революция. Так вот этой революции и борьбы я был очевидцем. Наш весь экипаж присоединился 28 февраля вечером, а 1–2 марта уже все войска Петрограда и округа. Полиция, здесь было около 30 тыс., вся попряталась и разбежалась по чердакам и в засадах с пулеметами отстреливалась. ...Полицию, которых перебили, которых арестовали. Министров старых тоже арестовали. Командира нашего экипажа г. Гирса немца матросы убили. Командира Кронштадтского порта адмирала Вирена убили» [1. Д. 12. Л. 9об].

Смена власти породила оптимистичные ожидания, надежду на улучшение положения военных, прежде всего – солдат, и не только материального. В солдатскую среду проникают идеи демократии, равноправия, социальной справедливости: «Прежнее правительство только пили с нашего брата кровь, да были мы все проданы. Мы всё это видели и знали, но нам нельзя было говорить, а теперь нам стало свободно, нам теперь можно всё написать про старое правительство...» [1. Д. 12. Л. 4]. Нижние чины выражали радость, что вне службы они «такие же граждане, как и все», что офицеры вынуждены с ними считаться: «Мы были забитые люди, нас называли сволочами, свиньями, а теперь

не имеют права» [1. Д. 12. Л. 4об], «Имеются комитеты: ротные, полковые, дивизионные, корпусные и т. д. Проявляются уже и результаты работы: начальства всяких рангов повышибали порядочную дозу. Изменились конечно отношения к солдатам. Многие пока делают это скрепя сердце, но, тем не менее, делают. Офицеры кадра относятся ко всему иронически, но по своей беспринципности в массе подчиняются новому порядку» [1. Д. 12. Л. 33об].

Общая эйфория, воодушевление от происходящих изменений вылилась в кратковременный всплеск патриотических настроений: «Вот теперь не жаль свой живот за новое правительство положить...» [1. Д. 12. Л. 4], «Солдаты не хотели воевать за старое правительство, а теперь все как один идут с радостью за родину, новое правительство, ни один не желает вернуться назад без победы» [1. Д. 12. Л. 8], «Солдаты очень рады свободе и все говорят с твёрдой решимостью, что война должна быть до победного конца. Все верят в новое правительство» [1. Д. 12. Л. 70].

В это же время цензоры фиксируют свидетельства быстрого падения дисциплины в армии. Свобода воспринималась военнослужащими как свобода от приказаний старших по званию, демократия как возможность обсуждения приказов. В одном из писем офицера действующей армии в д. Кильмезь Малмыжского уезда звучит отчаяние: «Про армию скажу, не знаю как в остальных частях фронта, это стало что-то невообразимое. Это не армия, а толпа, не толпа, а хуже...» [1. Д. 12. Л. 49об]. В другом письме читаем: «Дисциплина с каждым днём падает. Всякое приказание, прежде всего, обсуждается ротным комитетом, да и то не хотим слушать, потому что свобода...» [1. Д. 12. Л. 56об]. Военнослужащий 243-го пехотного запасного полка П. Бушмакин писал: «Теперь солдаты на занятия не ходят, а сидят в казармах и что-либо выдумывают, сегодня посадили полковника в тюрьму, пристава и много офицеров и всех избили до полусмерти, пристав уже умер, а те пока еще живы» [1. Д. 12. Л. 33об].

Тревожные сообщения, касающиеся и экономических трудностей, и функционирования новой власти, поступали из столичных городов: «В Москве продовольствия совсем нет, мука ржаная мешок 80 руб., пшеничная мешок 5 пуд стоит 120 руб. Картофель пуд стоит 3 руб. С голоду много даже сами себя губят» [1. Д. 12. Л. 23], «Сильно тревожат слухи и вести из Петрограда, что не налаживается там долго с работой» [1. Д. 12. Л. 33об].

В майских письмах отдельные симптомы падения дисциплины в армии выливаются в описание усиления революционной анархии в войсках: «Солдаты наши только и заняты тем, что высчитывают сколько грошей они недополучили раньше, контролируют в этом направлении каждый шаг офицеров, а до России им и дела нет... Мы сейчас почти уже не армия, а вооруженная толпа, более опасная России, ее молодой свободе, а не немцу» [1. Д. 12. Л. 73об–74], «...войска приказы не исполняют» [1. Д. 12. Л. 71об]. «Настроение плохое, все делается спустя рукава. Чуть захочешь заниматься, как полагается, вечером рота требует на пару слов», «...Масса наступает всевозможных требований от солдат, часть из которых переходит уже всякие пределы. Может все это ведет к гибели России, но солдаты закусили удила... да это и понятно – истощены войной и одно желание скорей попасть домой» [1. Д. 12. Л. 70об]. В запасных частях дисциплина падала не менее стремительно: «В войсках теперь жизнь пошла по новому строю, солдаты сами себе установили часы занятий, после занятий уходят свободно, начальство даже слова не может сказать. Теперь солдаты отчасти позволяют лишнего. Все пивные склады открывают и берут пиво. Караул стоит пьяный, Несут пиво в казармы и пьют...» (91-й запасной полк) [1. Д. 12. Л. 63об].

После некоторых надежд на улучшение продовольственного и материального положения участились жалобы на плохое питание и обмундирование, отсутствие корма для лошадей: «Сперва было прибавили хлеба, сахару, а потом вдруг не только сбавили то, что прибавили, а даже от того, что давали прежде – отняли» [1. Д. 12. Л. 46], «Живем как крысы в сырых землянках и грязных окопах, да еще к этому несчастью стали хлеба давать мало, только полтора фунта в сутки, и суп плохой варят, а кашу совсем не стали варить. Вообще наша жизнь стала столь плоха, что куда хочешь, туда и девайся» [1. Д. 12. Л. 56], «Сейчас солдату выдают 2 фунта хлеба, боюсь, как бы этот паек не уменьшили...» [1. Д. 12. Л. 65], «...одежды не выдают, все оборвались, кормят все хуже... Жалованья еще не прибавили, все обещают», которые зачастую выливаются в прямые угрозы: «Кажется, они на свою шею помедлят, поздно будет, когда солдаты за глотку зубами вцепятся» [1. Д. 12. Л. 78–78об].

На этом фоне в армии множатся антивоенные настроения: «...у нас в России все хотят войны, пусть идут, повоюют, мы повоевали 35 месяцев, а теперь скажут в бой, так штыки в землю и скажем, кто хочет войны, таки воюй. А мы не желаем» [1. Д. 12. Л. 64об], «Солдаты думают отказаться от войны, если не будет доставлено к 15 мая съестных припасов» [1. Д. 12. Л. 75], «Забудьте про наступ-

ление. Солдаты прямо говорят: наступать не будем» [1. Д. 12. Л. 65], «Солдаты в бой не идут, говорят, как только первый снаряд полетит, так штыки в землю и гайда в Россию...» [1. Д. 12. Л. 78–78об], «...очень беспорядок идет в войсках..., не хотят наши войска воевать...» [1. Д. 12. Л. 79], «Даже здесь, в инженерных войсках на 10 верст от позиции, и то каждый солдат рвется домой, а те, которые сидят в окопах, про них и говорить не приходится. Какая же может быть война при подобных условиях?» [1. Д. 12. Л. 71].

Нередки в письмах описания «братаний» русских и немецких солдат, стычек наших пехотинцев с артиллеристами, обстреливающими немецкие позиции. Так, Курочкин писал в Сарапул: «Стоим в 40 шагах от неприятеля, каждый день поем, гуляем. Мы выйдем в окопы с гармошкой, и немцы плетутся, то с балалайкой, то еще с чем-нибудь, и пойдут танцы, тут и пляска на лугу, тут и водка рекой и карты... наша артиллерия, как увидит нас, и давай стрелять, глушить снарядами, так наши солдаты собрались и так побили их, что они больше не стреляют, и теперь стоит у нас мир» [1. Д. 12. Л. 64об].

Ухудшение социально-политической ситуации в стране и на фронте порождало у военнослужащих разочарование в возможностях революционным путем решить назревшие проблемы и даже апокалипсические настроения: «Видимо наступает анархия и гибнет Россия...» [1. Д. 12. Л. 73], «Вот-вот грозит верная гибель России и революции» [1. Д. 12. Л. 71об], «Нервность у всех достигает своего апогея, чаще и чаще слышишь возгласы – скорей бы тот или другой конец всему» [1. Д. 12. Л. 74об], «Россия на краю гибели» [1. Д. 12. Л. 75].

Единственным выходом из создавшегося положения авторы писем видят в прекращении военных действий и скорейшем заключении мира: «Единственное спасение России и правительства это скорей начать мирные переговоры, пока еще не поздно, а то солдаты прибьют всех» [1. Д. 12. Л. 70об–71], «Ждем мира, все говорят, что скоро мир» [1. Д. 12. Л. 84].

В летние месяцы 1917 г. усиливается ожидание окончания войны. Не дождавшись свежего пополнения, уставшие от войны, плохого снабжения, бытовой неустроенности солдаты отказывались воевать. Б. Третьяков из с. Мазунино Сарапульского уезда так описывал сложившуюся ситуацию в армии: «... когда я приехал в полк 10 мая, ежедневно устраивали митинги, то есть обсуждали все дело, идти или нет на позицию... Все хотели шестимесячного отпуска. Посылали даже из среды себя делегатов в Петроград и требовали себе вышеуказанный отпуск. Но когда получили от командующего армией телеграмму о выступлении нашего корпуса на позицию, то полки все как один отказались...» [1. Д. 12. Л. 102]. Другой корреспондент писал: «Пехота нипочем идти в наступление не хочет, пускай, говорят, идет одна артиллерия, если ей охота воевать» [1. Д. 12. Л. 87].

Падение дисциплины, дезертирство, отсутствие регулярного пополнения дезорганизовывали армию: «Солдаты убывают из полка, одни командируются на заводы в качестве мастеровых, другие по болезням уезжают в госпитали, а пополнения в полку все нет. Между тем, тыл переполнен солдатами» [1. Д. 12. Л. 88об]. «Маршевые команды не доходят до места назначения, а расходятся по домам» [1. Д. 12. Л. 79]. Но и прибывавшее пополнение, в основном совершенно не обученное, не спасало ситуацию: «К нам в полк привезли 50 чел. Они не дошли 17 верст до позиции и дальше не идут, говорят, что если в обоз, то пойдём, а в строй, то идем завтра назад на Москву» [1. Д. 12. Л. 88об]. «Стоять на позиции трудно, народу совсем мало, а добавления нет, и не идут. Хорошо, что немцы стоят смирно, если бы стали нажимать, так пропали бы как мухи, и задержать нечем» [1. Д. 12. Л. 83].

Просмотренные цензорами письма свидетельствуют об усилении агитации революционными партиями в войсках: «...скоро будет мир..., как выражаются рабочие депутаты, которые были у нас в окопах только что на днях, много говоря, даже лишнего, например: не верьте Временному правительству, а верьте рабочим и солдатским депутатам, долой войну, не будем больше проливать кровь...» [1. Д. 12. Л. 104]. Высказывается мнение: «Если мы сейчас не закрепим свою свободу, тогда будет у нас опять Николай Обманов, и мы будем рабами» [1. Д. 12. Л. 89об].

Лозунги оборонцев, сторонников войны «до победного конца» все больше раздражали военнослужащих, разжигали ненависть к тыловикам, не способным обеспечить войска всем необходимым. «В тылу у вас все кричат, что войну вести до полной победы, а сами не идут к нам на помощь, – писал И. Бушмелев из действующей армии в г. Сарапул, – ...а мы ждем, что вот наши рабочие возьмутся работать снарядами, тыловые солдаты придут к нам на помощь..., а они не идут, думают, что получили свободу и им больше ничего не надо... Видно из газет, что рабочие зарабатывают, чтобы работать не больше 8 часов в сутки, мы вполне согласны, только не сейчас, а по окончании войны» [1. Д. 12. Л. 88],

«Богачи кричат и хорошо им кричать “войну до победного конца”, как их сыновья окопались в тылу..., а нашего брата... повезли... как быка на убой» [1. Д. 12. Л. 83].

В самой армии усиливался раскол, часть военнослужащих, прежде всего, офицеры, осуждала происходящие перемены, считала необходимым продолжение войны. В июльском отчете цензора процитировано письмо Н. Белякова в г. Сарапул: «Я офицер русской армии и с честью буду нести это звание... Сердце моё обливается кровью, слыша голос армии “Долой войну, наступать не будем”. Что это, голос свободного гражданина? Нет, это рев бунтующего раба, жалкого, гнусного. Когда его продавали, били он шел... Теперь, когда ему дали свободу, право голоса..., он заорал “не хочу воевать” [1. Д. 12. Л. 90]. П. Квачегин отвечал отцу (д. Колесово, Арзамаской волости Сарапульского уезда) на его письмо о большом количестве солдат-отпускников в тылу, что было связано с тем, что солдаты в возрасте от 40 до 43 лет весной 1917 г. были отпущены на полевые работы: «В отпуску всем ехать нельзя..., а надо наоборот закрепить свободу... Теперь только мы воюем за свою свободу, теперь у нас не будет гнилого старого строя, теперь у нас свои выборные правители, и мы приняли присягу Временному Правительству служить верой и правдой и защищать свободу до последней капли крови» [1. Д. 12. Л. 89об].

В этих условиях: сначала самовольное применение смертной казни командующим Юго-Западным фронтом Л. Г. Корниловым, а затем её официальное восстановление 12 июля 1917 г. как попытка остановить разложение армии и восстановить ее боеспособность, – дало кратковременный эффект. В письмах, просмотренных цензорами в августе и сентябре, отмечалось: «Наша часть в настоящее время великолепно организована... С введением смертной казни положение упрочилось. Забыты споры, перестали интересоваться шкурными вопросами...» [1. Д. 12. Л. 140], «У нас здесь в частях дивизии полный порядок и настроение у всех хорошее, идем с господами офицерами все рука об руку» [1. Д. 12. Л. 140об].

Тем не менее, в обществе нарастают негативные предчувствия относительно будущего страны: «Правительству нужно торопиться, а иначе все может кончиться очень скверно» [1. Д. 12. Л. 71об]. Находит отражение в письмах обостряющаяся социально-политическая обстановка в тыловых районах, угроза дестабилизации финансовой сферы. Возможность потери накоплений в связи появившимися слухами вынудила рядового запасного дивизиона Василия посоветовать родителям, проживавшим в д. Мырмино-Бобровке Сарапульского уезда: «...в Елабуге хотят рабочие партии разбить банк, так чтобы и у нас не получилось, так что, не лучше ли вам забрать деньги свои, да и у себя хранить, к черту с их процентами» [1. Д. 12. Л. 87]. И. Сунцов писал жене в Дебесскую волость о собрании солдаток в Петрограде, которые требовали прибавки пайка и просил по их примеру «собраться всем солдаткам и просить прибавку, они говорят, что если только не прибавят пособие, то мы напишем своим мужьям, чтобы они не шли в наступление» [1. Д. 12. Л. 104].

Всё больше усиливается чувство разочарования в действиях нового правительства: «Скажу Вам, – писал неизвестный из действующей армии М. Машковцевой в Сарапульскую женскую учительскую семинарию, – что каждый из солдат стал больше чувства питать к своим противникам, нежели к временным правителям. У нас при старом правительстве был самосуд и при новом есть. Старое правительство издало законы, что если не послушаешься начальника, он имеет право тебя заставить, употребляя в дело оружие, если и новое сделает то же, то на черта те правители, которые не могут избрать других законов» [1. Д. 12. Л. 78–79об].

В письмах, вскрытых цензурой в начале сентября 1917 г., нашел отклик «корниловский мятеж». Так, в письме из Гельсингфорса корреспондент пишет: «Сейчас обвиняют, что Ригу сдали солдаты, прошу Вас, умоляю — не верьте этим подлым сплетням. Я скажу Вам подробно, как была сдана Рига. По распоряжению командующего войсками генерала Корнилова было приказано на 35 верст увезти от Риги все заготовленные снаряды. Когда неприятель стал наступать, у наших солдат кроме ружей ничего не было. Артиллерия наша должна была молчать, не было для выстрелов пушек, снарядов. Солдаты под взрывами неприятельских снарядов бросались в атаку и рукопашный бой. Немцы душили их газами, и все наши храбрые воины погибли костями под Ригой, отдав ее немцам, и все почти эти воины были исключительно революционеры, которых до сих пор стараются уничтожить, считая изменниками» [1. Д. 12. Л. 144]. Прорыв немцев под Ригой, с одной стороны, создавал реальную угрозу Петрограду, а с другой – давал повод генералу Корнилову воспользоваться этой угрозой для «наведения порядка». В другом письме читаем: «Дружище, на нас надвигается черная туча, предчувствие очень плохое. Контрреволюция в пути к Петрограду во главе с Корниловым. Верховный бывший главнокомандующий вздумал отнять завоеванную свободу и объявить себя диктатором... Не-

удача, т. е. катастрофа под Ригой, всецело приписывается ему. Из доклада комиссара Северного фронта и войсковых делегатов видно, что солдаты были на высоте своего долга, но высший командный состав не соответствовал своему назначению... По всей вероятности в скором будущем будет братоубийство, избиение капиталистов-буржуев, везде воззвания к захвату и погрому. Везде голодные бунты, которые кончатся кровопролитием» [1. Д. 12. Л. 144–144об].

Таким образом, письма военнослужащих, просмотренных цензорами Сарапульского военно-цензурного пункта, свидетельствуют, что значительная их часть с воодушевлением восприняла Февральскую революцию 1917 г., победа которой связывалась в их представлениях с установлением демократических начал в армии, улучшением ее материального снабжения, надеждой на прекращения военных действий. Серьезными негативными последствиями воспринимались дальнейшее развертывание политической неопределенности, обострение социально-экономического кризиса, курс Временного правительства на продолжение войны до победного конца.

Очевидно, что выдержки из писем военнослужащих не могут охарактеризовать всю палитру настроений, господствовавших в русской армии. Однако они наглядно демонстрируют кризисные явления в самой армии: усталость от войны, падение дисциплины, нараставшее противостояние между нижними чинами и офицерами, братание с противником, массовое дезертирство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 254. Оп. 1.
2. Временное положение о военной цензуре. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I. № 192. 20. 07. 1914. Ст. 2057.
3. История Удмуртии: XX век / под ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2005.
4. *Рябая С. А.* Письма из действующей армии в Вятскую губернию как источник изучения истории Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2012. № 3.
5. Удмуртский край в годы Первой мировой войны / УИИЯЛ УрО РАН; общ. ред. А. Е. Загребина и Н. В. Тойкиной. Ижевск, 2014.

Поступила в редакцию 05.04.17

O.I. Vasilieva, V.S. Vorontsov

“...THERE MAY BE SWIFT CHANGES IN RUSSIA”: THE EVENTS OF 1917 IN THE PERCEPTION OF THE MILITARY PERSONNEL OF VYATKA PROVINCE (ON THE DOCUMENTS OF THE SENIOR MILITARY CENSOR OF THE KAZAN MILITARY DISTRICT IN SARAPUL)

The author analyzes excerpts from army letters to Vyatka province. They are presented in the reports of the senior military censor of the Kazan Military District in Sarapul. Letters reflect the soldiers' perception of the revolutionary events of 1917. Documents show that the February Revolution was received with enthusiasm. Hopes for an early cessation of the war, improvement of their economic situation appeared. However, military actions continued in the spring and summer months of 1917, the political and economic crisis developed. For this reason the negative sentiments among the military personnel increased, they soon will be one of the main driving forces of the new revolution.

Keywords: The First World War, Revolution, Letters of Military Personnel, Military Censorship, Vyatka Province.

Воронцов Владимир Степанович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Васильева Ольга Ивановна,
кандидат исторических наук, главный специалист
ГКУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики»
426009, Россия, г. Ижевск, ул. Камбарская, 17
E-mail: vasilyeva-60@rambler.ru

Vorontsov V.S.,
Candidate of History, Research Associate
Udmurt institute of history, language and literature,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Vasilyeva O.I.,
Candidate of History, Chief Specialist
Central State Archive of the Udmurt Republic
Kamarskaya st., 17, Izhevsk, Russia, 426009
E-mail: vasilyeva-60@rambler.ru